

Рувинский Р.З.

МЕЖДУ ПРАВОПОРЯДКОМ И ЕСТЕСТВЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ

Аннотация: В статье предпринята попытка реактуализации концепта «естественного состояния», используемого в творчестве мыслителей Нового времени. Статья разделена на краткое вступление и две части. В первой части анализируется политико-правовой концепт «естественного состояния», его происхождение и семантическое содержание. Особый акцент делается на связи понятия «естественного состояния» с понятием «войны всех против всех». Оценивается возможность употребления названных концептов для описания настоящего и будущего положения дел в мире. Вторая часть посвящена описанию кризисного состояния социального, политического и правового порядков начала XXI века. Вводится понятие «глобального кризиса» современного общества, дается характеристика и описываются основные причины данного состояния. Методология исследования строится на диалектическом подходе к изучаемым явлениям и включает в себя следующие методы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, деконструкция, прогностический и системный методы, метод анализа письменных источников, метод историко-политического толкования права. Автор анализирует особенности общества периода современного глобального кризиса, отмечая тенденцию к разложению и распаду прежних, привычных нам политико-правовых форм и институтов. Впервые в отечественной теоретико-правовой науке современное состояние международного и национальных правопорядков соотнесено с, казалось бы, устаревшим концептом «естественного состояния». В контексте решаемых исследовательских проблем под новым углом рассмотрены взгляды философа Жан-Жака Руссо на естественное состояние общества. Как следует из проведенного исследования, в работе «Рассуждения о происхождении неравенства между людьми» мы встречаем описание не одной, а целых четырех форм (этапов) естественного состояния, две из которых по своему содержанию родственны Гоббсову концепту «войны всех против всех».

Ключевые слова: Гоббс, Руссо, анархия, война, государство, кризис, нестабильность, право, суверенитет, чрезвычайное положение.

Abstract: This article presents an attempt to re-actualize the concept of “state of nature” used in the work of the modern era thinkers. The article is divided into a brief introduction and two parts. The first part addresses the political-legal concept of the “state of nature”, its origin and semantic content. A special accent is made on the connection between the notion of “state of nature” and “the war of all against all”. The author assesses the possibility of using said concepts to describe the present and the future situation in the world. The second part is dedicated to the description of the crisis state of the social, political, and legal orders of the early XXI century. The notion of “global crisis” of the modern society is being introduced, giving characteristics and description to the key causes of this state. The author analyzes the peculiarities of the society of the modern global crisis, noting the trend towards decomposition and failure of the previous, customary political-legal forms and institutions. For the first time in the Russian theoretical-legal science the modern state of the international and national orders is compared to seemingly outdated concept of the “state of nature”. In the context of the research issues at hand, the views of the philosopher Jean-Jacques Rousseau of the state of nature of the society is being examined from a different perspective.

Keywords: Sovereignty, law, instability, crisis, state, war, anarchy, Rousseau, Hobbes, state of exception.

Порой кажущиеся устаревшими, сохранившимися лишь в истории человеческой мысли идеи и понятия возвращаются в актуальный язык политической и правовой философии, в новых условиях приобретая новое звучание и силу. Пожалуй, к таким понятиям следует отнести концепты «естественного со-

стояния» и «войны всех против всех», занимавшие значимое место в политико-юридическом мышлении европейского Нового времени, а к XX столетию отошедшие на второй план и с тех пор являвшиеся не более чем метафорами, средствами придания образности описанию текущих социальных процессов.

Для мыслителей XVII-XVIII веков – Томаса Гоббса, Джона Локка, Самуэля фон Пуфендорфа, Жан-Жака Руссо и других – концепт естественного состояния являлся отправной точкой в утверждении собственных взглядов не только на прошлое, но и на современность. Идея о «естественном состоянии» человеческого рода лежит в основе сформулированных в ту пору гипотез происхождения государства, утверждения прочного правового порядка, «гражданского состояния». Своей основой эти гипотезы имели непростые процессы формирования в европейском пространстве национальных государств (nation-states) – оригинальной политико-юридической конструкции, сделавшейся своего рода международным стандартом социальной организации и распространившейся в качестве формы такой организации практически на весь Земной шар после ликвидации колониальной системы.

Сегодня мы живем в совершенно другом мире, в мире господства писаных законов и постановлений, подробной регламентации отдельных торговых сделок и полицейского надзора за повседневным поведением индивидов, в мире сложной международной дипломатии и мире государств с четко очерченными территориальными границами. Казалось бы, развитие государственных институтов и техники (как собственно юридической техники, так и техники в широком смысле) должны были оставить любые мысли о каком-либо первобытном или естественном состоянии общества, о какой-либо всеобщей войне, ведущейся между индивидами, в далеком прошлом (сходная постановка вопроса содержится в работе американского исследователя наследия Т. Гоббса Р. А. Гровера [1]). Тем не менее, именно сейчас, в век небывалого развития информационных технологий и торжества западных либеральных ценностей в мировом масштабе, возврат к некоему доправовому / догосударственному порядку оказывается как никогда вероятным. Именно сейчас названные выше концепты перестают быть всего лишь метафорами, а единый, нормально функционирующий, обеспечиваемый государством как центральным субъектом общественной жизни правовой порядок все более становится идеологическим фантомом.

Впрочем, не следует предвосхищать ответы на вопросы, которые лишь предстоит задать, – вопросы, без постановки которых невозможно приблизиться к разрешению ряда серьезнейших проблем дня сегодняшнего. Возможно ли естественное состояние, не предшествующее правопорядку, но, напротив, хронологически следующее

за ним и логически из него вытекающее? Каковы характерные приметы такого состояния? Можно ли вообще в наши дни говорить о естественном состоянии в том смысле, в котором данный термин употреблялся европейскими мыслителями XVII-XVIII веков? Наконец, если допустимо говорить о «естественном состоянии», которое возникает следом за установленным правопорядком, за состоянием «гражданским», то как может быть описана политико-правовая ситуация, имеющая место в промежутке между этими точками? В чем ее качественное своеобразие? Все эти вопросы составляют предмет настоящего исследования.

I

Концепт «естественного состояния» встречается в трудах целого ряда европейских мыслителей Нового времени, а его утверждение в истории политико-правовой мысли относится к XVII веку и связано, прежде всего, с именами Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо.

По мнению Лео Штрауса, немецкого философа прошлого столетия, «естественное состояние стало неотъемлемым предметом политической философии только при Гоббсе, который еще почти извинялся за употребление этого термина» [2, с. 176]. До Гоббса рассматриваемый нами концепт употреблялся в основном в рамках христианской богословской литературы. Л. Штраус указывает: «Естественное состояние отличалось по преимуществу от состояния благодати и подразделялось на состояние непорочного естества и состояние падшего естества. Гоббс отбросил это разделение и заменил состояние благодати состоянием гражданского общества» [2, с. 176].

Употребление словосочетания «естественное состояние» встречается также у Гуго Гроция в его «Трех книгах о праве войны и мира», вышедших в свет почти на два десятилетия раньше «De Cive» («О гражданине») и почти за тридцать лет до «Левиафана» Гоббса. Однако, как справедливо отмечает один из современных американских специалистов в области политической философии, Гроций не разработал собственной доктрины естественного состояния [3, с. 137]. «Сам Гроций использует словосочетание [“естественное состояние”] в нескольких случаях, но его значение совершенно отлично от того, которым его наделяют последователи [Гроция]», – замечает Закерт.

Гоббс воспользовался понятием «естественное состояние», чтобы обосновать потребность

в учреждении сильной государственной власти. Не вдаваясь в подробный пересказ всей теории Гоббса (более подробное изложение теории Гоббса в том же проблемном контексте см. в [4]), отметим, что свою картину «естественного состояния» человеческого общества английский мыслитель описывает при помощи еще одного оригинального термина – «войны всех против всех». Так, в «De Cive» мы находим следующие строки: «... естественным состоянием людей до объединения в общество была война, и не просто война, а война всех против всех» [5, с. 291].

Согласно Гоббсу, в состоянии такой войны «нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, <...> ремесла, литературы, нет общества, а что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [6, с. 96]. Иными словами, в условиях описанного Гоббсом состояния общества отсутствует какая-либо стабильность, при которой было бы возможным поступательное развитие человеческого общества.

На первый взгляд, если действительно рассматривать ее в узком смысле, лишь как гипотезу происхождения государства, концепция перехода от естественного состояния к состоянию гражданскому, изложенная Т. Гоббсом, может показаться современному человеку несколько наивной. С высоты накопленных к настоящему времени знаний мы могли бы охарактеризовать такую теорию как антиисторическую. Впрочем, не следует все упрощать, ибо в самом тексте «Левиафана» можно найти ряд моментов, вступающих в противоречие с таким некритичным толкованием идей Гоббса о естественном состоянии.

«Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру» [6, с. 97], – с этого фрагмента текста «Левиафана» всякая однозначность понимания излагаемой Гоббсом концепции теряется. Далее мы знакомимся с не вполне удачным историческим примером общества, находящегося в естественном состоянии. Гоббс ссылается здесь на образ жизни коренного населения Америки, но, по всей видимости, осознавая слабую убедительность такой эмпирики, делает крайне важное замечание: «Во всяком случае, какова была бы жизнь людей

при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, *жившие раньше под властью мирного правительства* (курсив наш – Р.Р.), обыкновенно опускаются во время гражданской войны» [6, с. 97]. Пожалуй, именно в этом фрагменте раскрывается истинное предназначение всей концепции Гоббса. Картина естественного состояния всеобщей войны всех против всех – это в первую очередь предостережение современникам и, вероятно, потомкам мыслителя из Мальмсбери, сделанное в достаточно непростое для Англии время.

При таком подходе категории естественного состояния и войны всех против всех приобретают значение категорий, описывающих не прошлое, но настоящее и *вероятное будущее*. Нам же следует со всей серьезностью отнестись к такому толкованию рассматриваемых понятий, тем более что сами эти понятия встречаются в трудах позднейших мыслителей. Не имея цели проводить подробный обзор использования категории естественного состояния в работах философов Нового времени, мы, тем не менее, не можем обойти стороной ее употребление в сочинениях Ж. – Ж. Руссо.

В наиболее развернутой форме теория Руссо о естественном состоянии изложена в его «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), хотя само это понятие также неоднократно встречается в знаменитой работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

В отличие от Гоббса, Руссо не отождествляет понятий «естественное состояние» и «состояние войны всех против всех», хотя и логически связывает их друг с другом в своей трактовке предыстории человеческого общества. До сих пор на этом не делалось акцента, однако в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» мы встречаем описание не одной, а целых четырех форм (этапов, периодов) естественного состояния и как минимум двух разновидностей войны всех против всех.

Прежде всего, Руссо говорит о естественном состоянии как об *изначальном состоянии* человеческого рода, состоянии первобытной дикости, при котором человек практически не выделялся из животного мира и образ жизни которого в силу этого мало чем отличался от образа жизни диких животных. В русле своей антипрогрессивной риторики Руссо рисует идиллическую картину первобытного рая, в котором люди не знали собственности, зависимости друг от друга, войн и

многих распространенных теперь болезней [7, с. 76-79, 102-104 и т.д.]. Постепенно, согласно гипотезе Руссо, человеку пришлось усовершенствовать свои орудия труда: «он столкнулся с трудностями; нужно было научиться их преодолевать» [7, с. 107]. Вместе с усложнением технологий усложнялись и общественные отношения, начали формироваться определенные социальные нормы, складываться представления о морали. Этот период, лежащий «между безразличием изначального состояния» и современным гражданским обществом Руссо определяет как «эпоху самую счастливую и самую продолжительную» [7, с. 113], а состояние общества, относящееся к данному периоду (мы могли бы назвать его *зрелым* естественным состоянием, поскольку оно очевидным образом отличается от изначальной первобытной дикости), – как менее всего подверженное переворотам, как «юность мира» [7, с. 114].

Дальнейшее развитие человечества, согласно Руссо, в действительности представляет собой процесс его одряхления, в ходе которого появляется собственность, труд становится необходимостью, а на место естественного (физического) неравенства приходят неравенство социальное, рабство и нищета, следствием чего оказывается растущее соперничество людей друг с другом. «Начались постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришел первым, которые могли заканчиваться лишь сражениями и убийствами. Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны» [7, с. 119], – в этих строках из «Рассуждения о происхождении неравенства» со всей ясностью можно увидеть Гоббсово *bellum omnium contra omnes*, и, хотя Руссо не говорит об этом прямо, представляется правомерным определить указанную войну как *третью, завершающую форму естественного состояния*, период его упадка. Это этап, предшествующий переходу к состоянию гражданскому, государственному.

Состояние всеобщей войны с сопутствующими ему грабежами и насилием в концепции Руссо, так же как и в концепции Гоббса, выступает отправным пунктом для объяснения происхождения государственности. Как рассуждает Руссо, «люди не могли в конце концов не задуматься над этим столь бедственным положением и над несчастьями, на них обрушившимися» [7, с. 120]. Особенно же невыгодным состояние войны должно было, по мысли Руссо, представляться богатым, заинтересованным в узаконении своих захватов и в

закреплении своего статуса. Так, по инициативе богатых люди объединяются в государство, устанавливаются гражданские законы.

Казалось бы, на описании перехода к гражданскому состоянию и образованию «политических организмов» (так Руссо именуется государство) история естественного состояния должна завершаться. Конечно, как и у Гоббса, мы еще встречаем указание на то, что в таком состоянии остаются отношения между самими «политическими организмами». Однако Руссо идет дальше, указывая на возможность возникновения («перехода к..?» / «возврата к..?» – здесь обнаруживается трудность подбора корректной формулировки) естественного состояния уже *после* образования государства. Мысль, которая в не вполне четко артикулированной форме присутствует уже в творчестве Т. Гоббса, в «Рассуждении о происхождении неравенства» доводится до предельного напряжения.

Как Руссо приходит к этой позиции? Создание государства и появление законов, выгодных, прежде всего, богатым, по мысли философа, «безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право» [7, с. 121]. Но констатация такого положения и признание его незыблемым – не одно и то же. Существуют факторы, при определенных обстоятельствах способные вылиться в ситуацию, которая уничтожит установившееся однажды гражданское состояние.

Государственная организация общественной жизни с неизбежностью предполагает наличие аппарата управления обществом, иными словами – наличие специальных должностных лиц, наделенных соответствующими властными полномочиями. Руссо называет таких лиц магистратами. По его версии, первоначально занятие государственных должностей осуществлялось на выборной основе, с учетом имущественного положения, достоинств и возраста кандидатов. Такое положение дел рано или поздно должно было привести к возникновению конфликтов: «Чем чаще выбор падал на мужей преклонного возраста, тем чаще должны были происходить выборы и тем больше ощущались связанные с проведением выборов затруднения: появляются интриги, образуются группировки, ожесточается борьба партий, вспыхивают гражданские войны, кровь граждан начинают приносить в жертву так называемому счастью Государства, и остается сделать еще один только

шаг, чтобы *впасть в анархию предшествующей эпохи* (курсив наш – Р.Р.)» [7, с. 131-132]. Как видно из процитированного фрагмента, уже здесь Руссо допускает возможность возвратиться из гражданского состояния к состоянию естественному.

Период непрекращающегося соперничества и борьбы за власть, согласно концепции Руссо, завершился стабилизацией, достигнутой благодаря «превращению власти, основанной на законах, во власть неограниченную» [7, с. 132]. Но именно это превращение, означающее не что иное как переход к деспотизму, по мнению философа, может сыграть роковую роль в истории человеческого общества, коль скоро социальное и политическое неравенство государственного состояния будет усугублено деспотичным правлением, отдалением рядовых граждан от возможности принятия значимых для общества решений. Некогда установленные законы превращаются в ничто, право оборачивается своей противоположностью, голым насилием, и государственный организм погибает: «...пожирая все, что увидит он [деспотизм] хорошего во всех частях Государства, в конце концов, он начнет попирать ногами и законы, и народ утвердится на развалинах Республики. Времена, предшествующие этой последней перемене, будут временами смут и бедствий, но, в конце концов, чудовище поглотит все, и у народов больше не будет ни правителей, ни законов, но одни только тираны» [7, с. 136].

В этой части рассуждений женевакого мыслителя ощущается максимальный полемический накал. Стоит отметить, что здесь Руссо уже не излагает своего варианта истории прошлого, но обращается к вероятному будущему. Этот фрагмент наполнен эсхатологией и мрачными апокалиптическими предчувствиями. Описав свое видение истории развития человеческого общества от первобытной дикости до появления государственности, Руссо вновь возвращается к естественному состоянию. Впрочем, это уже не то естественное состояние, о котором упоминалось ранее: «Это – последний предел неравенства и крайняя точка, которая замыкает круг и смыкается с нашей отправною точкою. Здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто; <...> здесь все сводится к одному только закону более сильного и следовательно к *новому естественному состоянию* (курсив наш – Р.Р.), отличающемуся от того состояния, с которого мы начали, тем, что первое было естественным состоянием в его чистом виде, а это последнее – плод крайнего разложения» [7, с. 136].

Как видим, и у Гоббса, и у Руссо концепт естественного состояния используется не только для описания некоего далекого прошлого, предшествовавшего формированию государственности, но и для изображения ситуации вероятного разрушения правового порядка. В творчестве Руссо такое естественное состояние *после* правопорядка разительно отличается от изначальной и зрелой форм естественного состояния догосударственной эпохи, по описанию оказываясь неотличимым от «войны всех против всех» Гоббса.

Хотя кому-то это может показаться странным, именно в наши дни эти концепты, обращенные не к прошлому, а к будущему, оказываются более чем подходящими для описания ситуации, складывающейся в мировом масштабе.

II

Глобальный кризис – наиболее емкое словосочетание, подходящее для характеристики экономических, политических и социальных процессов, протекающих ныне как в отдельных странах, так и в целом по всему земному шару. Впрочем, само по себе это понятие еще ничего не объясняет. Что значит «глобальный кризис», говорить о котором в последнее время стало едва ли не модным делом и на который, безусловно, можно списать очень многие неблагоприятные явления? Конечно, наиболее простой мыслительной операцией в данном случае представляется отождествление понятия «глобальный кризис» с мировым экономическим кризисом, больно ударившим не только по проблемным регионам планеты, но и по развитым странам.

Действительно, пожалуй, просто невозможно рассматривать многие политические, социальные и правовые проблемы сегодняшнего дня в отрыве от ситуации в мировой экономике. Однако указание на глубокие экономические проблемы не дает представления обо всей специфике современного положения. Даже если речь идет только о кризисе некоей хозяйственной модели, может быть поставлен вопрос о том, почему эта модель хозяйствования оказалась в упадке и почему это происходит именно сейчас. Не связаны ли трудности в финансово-экономической сфере с гораздо более широким кругом проблем, поразивших социум? Так или иначе, хозяйственная, политическая, правовая, духовно-культурная сферы общественной жизни не автономны друг от друга, все они – различные стороны реально существующей

щего общества. Прогресс в одной области тянет за собой развитие другой, и, наоборот, критическая ситуация в той или иной сфере общественной жизни неминуемо влечет за собой сотрясение в других областях.

Если абстрагироваться от сугубо финансово-экономических проблем и обратиться к социальной и государственно-правовой сферам, следует признать, что они переживают кардинальные перемены, способные переkreить облик и даже саму суть многих привычных нам общественных, политических, правовых институтов, – перемены, значение которых подобно значению установления в 1648 году Вестфальского мира или, например, победы Революции 1789 года во Франции. Судя по всему, мы действительно имеем дело с очень мощным кризисом, но кризис этот следует понимать не только как упадок прежнего порядка, прежних структур и, конечно, не узко, в смысле лишь «экономического кризиса». Нынешний кризис должен быть понят как предвестие нового порядка, новой системы общественных отношений, знаменующее собой разложение известных до настоящего времени социальных институтов, моральных представлений, духовно-культурных основ общества (здесь уместно вспомнить буквальное значение греческого слова *κρίσις* – решение, поворотный пункт, исход [8, с. 260]).

Вкратце попытаемся описать складывающуюся сегодня картину общественной жизни. Прежде всего, следует упомянуть об изменении классовой структуры общества. Тогда как классовая борьба, еще полвека назад выступавшая одним из главных нарративов истории и понимавшаяся, прежде всего, как противостояние двух основных социальных групп – наемных работников и капиталистов, перестала быть определяющим фактором политического процесса, а сама возможность институционализации рабочего класса как «класса для себя» [9, с. 404] все чаще ставится под сомнение, социальные антагонизмы и сопутствующая им вражда никуда не исчезли. Современное гражданское общество представляет собой переплетение интересов и связей множества довольно узких и нередко случайно сформировавшихся (т.е. сформировавшихся на основе иллюзии общности интересов) объединений людей. При этом сложные экономические условия нынешнего времени в совокупности с проблемами культурного плана, определяемыми упадком устоявшихся представлений о моральном, должном, допустимом и запретном, порождают всеобщую неприязнь

и конфликты: коренных жителей мегаполисов с приезжими из соседних стран или даже просто отдаленных регионов одной страны, верующих с неверующими, мусульман с христианами, либеральной фрондирующей интеллигенции с лояльно настроенными по отношению к власти гражданами, и т.п. Впору говорить не о классовой борьбе, а о борьбе всех со всеми.

Общество настолько сильно разобщено, что под вопрос ставится сама возможность существования неких общих для всех социальных норм и ценностей, следовательно, единственной силой, сдерживающей разрозненные массы в рамках единого порядка, оказывается государство. Однако ирония складывающейся на наших глазах ситуации состоит в том, что в условиях нынешнего глобального кризиса само государство уже не обладает теми потенциями, которыми были ему присущи ранее.

Интернационализация экономических обменов и появление на мировой арене влиятельных наднациональных организаций (ВТО, МВФ, Всемирный Банк и др.) превратили государства в серьезных, но далеко не всесильных «игроков» мирового рынка, в специфических хозяйственных субъектов, вынужденных решать не только свои собственные проблемы (т.е. проблемы населяющих эти государства людей), но и проблемы крупнейших коммерческих компаний, крах которых грозит крушением всей экономики. Даже формально-юридически государственный суверенитет – этот краеугольный камень прежней, «вестфальской», системы международных отношений – более не означает подлинной независимости национального государства в отношениях с другими государствами и международными организациями. Отныне, в соответствии с нормой, установленной Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 году и получившей условное название «Обязанность защищать» («Responsibility to Protect»), иностранное военное вмешательство во внутренние дела суверенного государства считается оправданным и необходимым в том случае, если «мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» [10, п. 139]. После демонтажа режима Муаммара Каддафи в Ливии в 2011 году, попыток части мирового сообщества повторить ливийский сценарий интервенции на территории Сирии, а также бомбардировок охваченного волнениями Йемена в 2015 году ни у кого

не должно оставаться иллюзий насчет истинного значения подобных инноваций в международном гуманитарном праве.

Наконец, раз зашла речь о реальных потенциях современных национальных государств, нельзя упускать из виду и тот факт, что в условиях предельно плюралистического общества у государства практически отсутствует возможность эффективно опираться на какие-либо внепозитивные (лежащие вне сферы государственного законодательства) социальные нормы и ценности. Это означает, что легитимность государственных институтов обеспечивается лишь их формальной легальностью и в момент серьезных общественных потрясений может быть утрачена. С данным обстоятельством, равно как и с широким кругом специфических вызовов, характерных для переживаемого нами исторического периода (уже упомянутые проблемы в экономике, маячащий впереди энергетический кризис, упадок ведущих мировых идеологий, столкновение культур, развитие информационных технологий, мировой терроризм и др.), следует, вероятно, связывать усиление запретительной и репрессивной составляющих государственного правотворчества и правоприменения, позволившее отдельным современным мыслителям говорить о превращении чрезвычайного положения в «доминирующую управленческую парадигму современной политики» [11, с. 9]. Проблемы растут, государства вынуждены отвечать на них во все более жесткой манере, вызывая недовольство различных групп и фракций плюралистического общества; технический прогресс, в XIX-XX веках успевший стать своего рода религией, заставляет людей требовать от своих правительств все большего комфорта индивидуальной жизни, гарантирования максимального широкого каталога западных прав и свобод, однако мало кто отдает себе отчет в том, что поступательному развитию есть предел. И этот предел практически достигнут.

Внимательный анализ тенденций общественного развития вкупе с актуальным прочтением классиков указывают на то, что условное «естественное состояние» – концепт, все в большей мере подходящий для описания современности. Вслед за Ж. – Ж. Руссо мы можем предположить, что новое естественное состояние, наступающее вслед за упадком правопорядка, есть состояние общества, при котором торжествует «закон более сильного», а права людей совершенно равны лишь потому, что более нет никаких прав и некому гарантировать их реализацию.

Постгосударственное естественное состояние – это в буквальном смысле состояние войны всех со всеми, период бесконечной (или длительной) вооруженной борьбы за социальную власть.

Впрочем, сегодняшнее положение дел в мире в целом вряд ли еще можно отождествлять с «естественным состоянием». Хотя анархия враждебных друг другу вооруженных групп уже практически стала реальностью в отдельных точках охваченных гражданскими войнами регионах (уже упомянутые Ливия и Йемен, Ирак, отдельные районы Сирии, Южный Судан, Сомали, Мали, Центральная Африканская Республика, Украина), положение в мире в целом пока еще остается относительно стабильным и сравнительно благополучным. Ситуация в названных странах, большая часть которых относится к Ближнему Востоку и Африке, – это примеры максимального приближения к новому естественному состоянию войны всех против всех. Уязвимость этих стран – во многом следствие их геополитического положения (богатые ресурсами земли), особенностей исторического развития (большинство из них являются бывшими колониями европейских государств) и действий ведущих мировых держав, решающих свои собственные проблемы за счет других.

Однако если современное общество еще не достигло «естественного состояния» в масштабах всего мира, как может быть описано сегодняшнее положение?

Сегодня, пожалуй, мы можем говорить об историческом этапе жизни общества, располагающемся между правопорядком и естественным состоянием. Это состояние вырождения и эрозии прежних, господствовавших до недавнего времени политико-правовых форм. К этому состоянию как нельзя лучше подходит дефиниция, данная немецким правоведом Карлом Шмиттом в предисловии к одной из его ранних работ. Шмитт писал о «динамике развития, в ходе которого чрезвычайные и кризисные ситуации стали интегрирующими или дезинтегрирующими компонентами *аномального промежуточного состояния* между войной и миром» [12, с. 5].

Дефиниция «аномальное промежуточное состояние» как нельзя лучше подходит к качеству современного порядка, при котором старые, вырождающиеся социальные структуры начинают работать в прежде несвойственном им режиме, а на арену истории выходят институты и отношения, казалось бы давно оставшиеся в прошлом. Так национальные государства пытаются хоть

как-то отозваться на специфические проблемы современной, кризисной эпохи, узаконивая отношения, еще вчера считавшиеся маргинальными, или, напротив, переходя к исключительно жесткой, репрессивной и реакционной правовой политике (тот самый «деспотизм», беспокоивший Руссо и представлявшийся ему едва ли не главной предпосылкой разрушения правового порядка). Так массы людей все в большей мере определяют себя не как граждан – членов единого государственного порядка, но как участников довольно узких социальных общностей, локальных порядков; эти же локальные порядки со своими, зачастую противоречащими позитивному праву нормами вступают в конкуренцию друг с другом – в результате выстраивается подобная феодальной раздробленной система с шатким, непрочным миром.

Переживаемое нами аномальное промежуточное состояние – это критическая точка в историческом процессе, требующая предельно серьезного и ответственного подхода (в политической стратегии, во властных решениях, в повседневной социальной практике и т.д.) не только со стороны наделенных государственной властью лиц, но и со стороны тех, кто, не обладая государственными полномочиями, имеет значительный духовный,

политический, профессиональный авторитет в тех или иных фракциях общества. Это точка, из которой, как представляется, возможно развитие двух основных сценариев: сценарий хаотического, естественным путем протекающего распада прежнего правопорядка и сценарий управляемой его трансформации. Последний сценарий означает, по сути, перестройку государственности, изменение соотношения государственных институтов с иными общественными институтами, соотношения норм позитивного права с иными социальными нормами. Это сценарий, требующий, по-видимому, сохранения «сильного государства» при одновременном разгосударствлении сферы личного быта народа, предполагающий опору государства на устойчивые социальные общности с их нормами.

Поиск максимально благоприятного для населения пути минимизации негативных последствий глобального кризиса и предотвращения окончательного скатывания мира к новому «естественному состоянию» ставит перед исследователями задачи глубокого анализа тенденций общественного развития, формирования основ нового политико-правового мышления, новых подходов к проблемам государственности, к теории прав человека и международных отношений.

Библиография:

1. Grover R. A. The New State of Nature and the New Terrorism // *Public Affairs Quarterly*. – 2002. – Vol. 16, No. 2. – P. 125-141.
2. Штраус Л. Естественное право и история. – М.: Водoley Publishers, 2007.
3. Zuckert M. P. Natural Rights and the New Republicanism. – Princeton: Princeton University Press, 1994.
4. Рувинский Р. З. Дилеммы государственности и новая война всех против всех // *Полития*. – 2013. – № 2 (69). – С. 107-118.
5. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
7. Руссо Ж. – Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж. – Ж. Об общественном договоре: Трактаты. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000.
8. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1988.
9. Маркс К. Нищета философии. – М.: Мир книги, 2007.
10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 2005 года № A/RES/60/1 // URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/1>
11. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. – М.: Издательство «Европа», 2011.
12. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. – СПб.: Наука, 2005
13. Семченков А.С. Системная дестабилизация современных государств // *Международные отношения*. – 2015. – 2. – С. 175 – 183. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.11570.
14. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // *Международные отношения*. – 2014. – 2. – С. 230 – 236. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.10355.
15. Бородинов Е.Н. Ближнесрочный прогноз по развитию политической ситуации в Украине // *Международные отношения*. – 2014. – 3. – С. 415 – 424. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11693.

References (transliterated):

1. Grover R. A. The New State of Nature and the New Terrorism // *Public Affairs Quarterly*. – 2002. – Vol. 16, No. 2. – P. 125-141.
2. Shtraus L. Estestvennoe pravo i istoriya. – M.: Vodolei Publishers, 2007.

3. Zuckert M. P. *Natural Rights and the New Republicanism*. – Princeton: Princeton University Press, 1994.
4. Ruvinskii R. Z. Dilemmy gosudarstvennosti i novaya voina vseh protiv vseh // *Politiya*. – 2013. – № 2 (69). – S. 107-118.
5. Gobbs T. *O grazhdanine* // Gobbs T. *Sochineniya v 2 t.* – Т. 1. – М.: Mysl', 1989.
6. Gobbs T. *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* // Gobbs T. *Sochineniya v 2 t.* – Т. 2. – М.: Mysl', 1991.
7. Russo Zh. – Zh. *Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniyakh neravenstva mezhdru lyud'mi* // Russo Zh. – Zh. *Ob Obshchestvennom dogovore: Traktaty*. – М.: TERRA–Knizhnyi klub; KANON-press-Ts, 2000.
8. Marks K. *Nishcheta filosofii*. – М.: Mir knigi, 2007.
9. Agamben Dzh. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie*. – М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2011.
10. Shmitt K. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by*. – SPb.: Nauka, 2005
11. Semchenkov A.S. *Sistemnaya destabilizatsiya sovremennykh gosudarstv* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2015. – 2. – С. 175 – 183. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.11570.
12. Demidov A.V. *Ot «myagkoi sily» k «upravlyaemому khaosu»* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 2. – С. 230 – 236. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.10355.
13. Borodinov E.N. *Blizhnesrochnyi prognoz po razvitiyu politicheskoi situatsii v Ukraine* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 3. – С. 415 – 424. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.11693.